

ство вдохновлять» (2019). За свою успешную концертно-исполнительскую деятельность коллектив неоднократно был отмечен благодарностями от учреждений культуры и образования.

В настоящее время все коллективы кафедры хорового и вокального искусства продолжают свою творческую работу. В перспективных планах много креативных и необычных идей: подготовка тематических концертов, участие в конкурсах, фестивалях, проектах и мероприятиях, проводимых университетом и городом.

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ТЕКСТЫ В СЕМИОТИКЕ КУЛЬТУРЫ

О. В. Новицкая,

*соискатель ученой степени кандидата наук
Белорусского государственного университета культуры и искусств,
заместитель директора по научной и просветительской
работе Музея «Замковый комплекс «Мир»*

Культуру невозможно представить без процесса коммуникации, без процесса обмена информацией между людьми. Целью такого коммуникационного процесса является не только передача информации, но и ее понимание («я говорю – ты понимаешь» – тип элементарной коммуникативной ситуации, который необходим для разрешения многих семиотических проблем) [2, с. 8]. Однако передача информации невозможна без одного непеременимого условия – знака. Под знаками Ю. М. Лотман понимает все то, что заменяет «сущности, явления и вещи и позволяет людям обмениваться информацией» [2, с. 9].

Коммуникация, развернутая во времени и приобретающая разные подтексты, выступает в качестве одной из информационных систем с декодированием переживаемой действительности. Она состоит из семиотических моделей, текстов, подтекстов, знаков и кодов, которые составляют семиотическое (знаковое) пространство культуры. Таким образом представляется неразрывная цепочка таких понятий, как культура – коммуникация – семиотика – знак и знаковая система – код.

В рамках исследования понятие «культура» рассматривается как совокупность моделей, состоящих из семиотических текстов в сопоставлении с пониманием термина «текст» в лингвистике и литературоведении. Однако в самой культуре есть семиотические механизмы, которые способны изменять сохранившиеся знаки и тексты, а также создавать новые знаковые системы и информацию.

В своих трудах один из основоположников современной семиотики американский философ Ч. У. Моррис отмечал: «Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков, а возможно, и вообще, интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [3, с. 37–38].

Для изучения и определения места эпистолярного наследия в знаковом пространстве культуры необходимо понимать, что оно, в свою очередь, является только внешней оболочкой, кодом для расшифровки той действительности, которую запечатлел автор.

Под эпистолярными документами следует понимать тексты, которые наравне с любыми предметами и артефактами содержат определенного рода информацию. Они представляют собой особый тип диалога, отличительным свойством которого является наличие социальной памяти, где кодируется человеческий опыт, хранятся и при необходимости актуализируются различные значимые тексты, знаки.

Семантика, являясь разделом семиотики, выделяет непосредственным предметом своего изучения знаковую систему. В свою очередь, «семантика разделяется по объекту изучения на три больших компактных узла: с одной стороны, семиотика языка и литературы, <...>; с другой стороны, <...> – знаковые явления других родов, такие как живопись, музыка, архитектура, кино, обряды, ритуалы <...>; особняком, но вполне в рамках семиотики стоит третий узел – системы коммуникации животных и системы биологической связи в человеческом организме» [5, с. 5–6].

В первом упомянутом выше компактном узле семантики изучаются знаковые системы, которые обладают высказываниями. Под высказыванием понимается его психологическая ре-

альность. Чаще всего высказывание – это предложение. Однако если свести его к более абстрактному и более общему понятию как пропозициональная функция, под которой понимается языковое выражение, то высказывание становится внешней оболочкой [5, с. 7–9].

Письма, воспоминания, автобиографические тексты состоят из множества высказываний, представленных в виде предложений, которые сами по себе являют изначально эмпирический материал, в котором присутствуют постоянные и переменные элементы. Только после замены переменных на постоянные мы можем получить настоящее высказывание, которое является как истинным, так и ложным.

Рассмотрим данное суждение на примере эпистолярного комплекса, состоящего из писем княгини Клеопатры Михайловны Святополк-Мирской, выявленных в Государственном архиве Российской Федерации, и воспоминаний ее невестки княгини Марии Александровны, жены сына Владимира Николаевича, хранящихся в архиве Института Гувера, основанном при Стэнфордском университете (США). Акцент будет сделан только на извлеченной из документов информации о родовой церкви-усыпальнице в Мире. Однако, как указывал Ю. М. Лотман, «информация – это не только то, что я узнал, но и то, что я могу узнать» [2, с. 9]. И эта точка зрения заслуживает отдельного внимания. В таком случае имеет место быть цепная реакция по изучению отдельно взятого объекта, где неперенным условием является наличие знака.

Как памятник архитектуры начала XX в. церковь-усыпальница существует по сегодняшний день. Ее также можно назвать образом реального мира. Наглядное восприятие храма позволяет извлечь отдельную информацию о нем как о существующем здании. Рассмотрим более детально оформление внутреннего пространства и внешний облик церкви-усыпальницы как объекта, который несет определенный смысл, значение и информацию.

Здание состоит из двух ярусов: верхний – помещение церкви, рассчитанное на ограниченное число молящихся, и нижний – сама усыпальница. Фасад церкви украшает мозаичное панно Иисуса Христа, которое выполнено из смальты – небольших

кусочков однородной непрозрачной смеси из стекла и оксидов металла. Рядом с панно крепится копия картуша (установлена осенью 2008 г.) с гербами двух старейших городов – Киева и Москвы, символически выражающая стремление князей Святополк-Мирских подчеркнуть древность их рода.

Для оформления интерьера церкви были выбраны спокойные терракотовые тона, строгий геометрический орнамент, фиолетовая роспись. Внутреннее пространство верхнего уровня состояло из притвора, храма и алтарной части, которая отделялась иконостасом с 7 иконами. На горнем месте в алтарной части находилась икона Новозаветной Троицы с прикрепленной металлической лампадкой. В центре алтаря располагались деревянный престол, жертвенник и металлический запрестольный семисвечник. В храме находились деревянный киот, два металлических стоячих подсвечника, металлические хоругви, деревянный ящик для свечей и деревянный шкаф для регента. Под сводом храмовой части было металлическое паникадило [4].

Архитектурный облик и перечисление предметов из церкви не дают возможности исследователю узнать историю возведения храма, причины, по которым он возводился, и многое другое. Частично восполнить подобного рода пробелы позволили письма и воспоминания представителей рода Святополк-Мирских.

Информация от «человека из прошлого» (в данном случае имеются в виду авторы писем и воспоминаний) передается с помощью бумажных носителей, которые в современном мире иногда трансформируются в электронные образы (речь идет об электронных образцах документов, полученных по электронной почте из архивов), интерпретируется исследователем, который из этого эмпирического материала получает настоящее высказывание, которое является как истинным, так и ложным.

Представители рода Святополк-Мирских постарались сохранить память о себе в виде родовой церкви-усыпальницы, возведенной на территории английского пейзажного парка в 1903–1909 гг. До недавнего времени считалось, что именно княгиня Клеопатра Михайловна Святополк-Мирская была инициатором строительства, однако ее письмо, адресованное племяннику князю Петру Дмитриевичу Святополк-Мирскому

и датированное 11 июня 1903 г., позволяет сделать вывод, что это было желание ее мужа – князя Николая Ивановича [1]. Из писем, написанных весной–летом 1903 г., становится понятно, что архитектор Р. Р. Марфельд неоднократно приезжал в Мир и следил за ходом работ. Эти строки одновременно развеяли миф о том, что Р. Р. Марфельд в Мире никогда не бывал, а только был наслышан о Мирском замке.

Большим открытием стало уточнение мест захоронения Николая Святополк-Мирского, его жены Клеопатры и их сына Владимира в родовой церкви-усыпальнице. В воспоминаниях Марии Святополк-Мирской о княгине Клеопатре Михайловне написано следующее: «Похоронена в семейном склепе в Мире между мужем и сыном Владимиром» [6].

Таким образом, из вышеизложенного следует, что факты действительности, запечатленные в переписке, проходили отбор по предполагаемой значимости для адресанта. Адресант (тот, кто писал текст) вынужден был выбирать, какую именно информацию сообщить в письме. Благодаря этому корреспонденция личности образует отдельную семиосферу, ограниченную от другого семиотического множества знаков.

По мнению Ю. М. Лотмана, на разных уровнях культуры одно и то же сообщение может быть понято как цельный текст, как его часть или совокупность текстов, и культура выделяет и учитывает лишь те, которые обладают некоторым целостным значением и выполняют единую функцию [2, с. 508]. С этой позиции передаваемое сообщение в корреспонденции не только должно быть новым для адресата, но и иметь определенную ценность. «Во времени текст воспринимается как своего рода стоп-кадр, искусственно «застопоренный» момент между прошедшим и будущим. Отношение прошедшего и будущего не симметрично. Прошедшее дается в двух его проявлениях: внутренне – как непосредственная память текста, <...> и внешне – как соотношение с внетекстовой памятью. Мысленно поместив себя в то «настоящее время», которое реализовано в тексте <...>, зритель как бы обращает свой взор в прошлое, которое сходится как конус, упирающийся вершиной в настоящее время. Обращаясь в будущее, аудитория погружается в пучок возможностей, еще не совершивших своего потенциаль-

ного выбора. Неизвестность будущего позволяет приписывать значимость всему» [2, с. 22].

Таким образом, эпистолярное наследие обладает имманентной семиотической сущностью и может быть представлено как система знаков. Письма и воспоминания транслируют коды определенной эпохи, несмотря на то, что тексты осложнены рефлексивными и оценочными компонентами. Именно они позволяют исследователю изучать не только системы знаков, но и интерпретировать их с позиции адресанта.

1. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 1729. – Оп. 1. – Д. 1296.

2. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург. : Искусство СПб., 2000. – 704 с.

3. *Моррис, Ч. У.* Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.

4. Музей «Замковый комплекс «Мир». – НВФ-02060. – Описание имущества приходской Мирской Свято-Троицкой церкви Кореличского благочиния Гродненской обл. на 1 июля 1960 г. Список церковных вещей из бывшей Свято-Николаевской церкви в бывшем имении Мир.

5. Семиотика: семиотика языка и литературы : сб. статей / пер. с англ., франц. и исп. ; сост., вступ. статья [с. 5–36] ; под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – 635, [1] с.

6. Hoover Institution Archives Writings. – Box 3. – Folder 21. – Kniaz' Nikolai Vladimirovich Sviatopolk-Mirskii papers.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИСТАНЦИОННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛАХ ИСКУССТВ

Н. В. Павленко,

*учитель высшей категории, учитель истории искусств,
рисунка, живописи и композиции
детской художественной школы искусств г. Гродно*

Одно из ведущих мест в системе образования в современном обществе занимают учреждения дополнительного образования, которые служат задачам обеспечения необходимых условий для личностного развития, формирования творческих и про-